

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.73>

Кадимов Руслан Гаджимурадович

ПОЭЗИЯ КАК САМОВЫРАЖЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

В исследовании ставится вопрос об онтологической сущности поэзии. Автор отвечает на него, исходя из особенностей её материала - языка. Поскольку язык является системой с взаимосвязанными уровнями, в сознании человека на актуализацию одного слова отзываются ассоциирующиеся с ним другие слова, воспринимаемые индивидом как "предложения" языка для оформления намеченной мысли. Автор приходит к выводу, что предназначение стихотворных форм заключается в том, чтобы запустить процесс самовыражения языка, который вносит в текст свою логику, а также накопленное веками и идущее из глубины бытия содержание, что, собственно, и создает поэзию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/73.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 347-352. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Словарь социолингвистических терминов** / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
6. **Хилханова Э. В., Дырхеева Г. А., Любимова Л. М., Сундуева Д. Б.** Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М.: Наука – Восточная литература, 2016. 174 с.
7. **Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года** [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3abfce (дата обращения: 21.10.2019).
8. https://www.lexico.com/en/definition/language_loyalty (дата обращения: 21.10.2019).
9. **McCarty T. L.** Introduction: Ethnography and Language Policy // *Ethnography and Language Policy* / ed. by T. L. McCarty. N. Y.: Routledge, 2011. P. 1-28.
10. **Spolsky B.** Language Policy in Education: Practices, Ideology and Management // *Language Policy and Political Issues in Education* / ed. by T. L. McCarty & S. May. 3rd ed. Cham: Springer, 2017. P. 3-16.

DYNAMICS OF LINGUISTIC BEHAVIOUR AND LINGUISTIC VIEWS IN THE CONTEXT OF LANGUAGE POLICY IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

Borgoyakova Tamara Gerasimovna, Doctor in Philology, Professor
Guseynova Aurika Vagifovna, Ph. D. in Philology
Khakass State University named after N. F. Katanov, Abakan
tamarabee@mail.ru; aurika_guseynova@mail.ru

Relevant problems of linguistic behaviour, linguistic views and language policy in the Republic of Khakassia are examined relying on the materials of sociolinguistic surveys of 2018 and previous years. There is a decrease in the number of the fluent Khakass speakers among children and adults; this fact testifies that the majority of the Khakass people tend to use Russian as their first language. In contrast to linguistic behaviour, linguistic views of both the Khakass and the Russian respondents show positive dynamics. At the same time, the level of loyalty towards the Khakass language among the Russians is approximately one half as high as among the native Khakass speakers.

Key words and phrases: bilingualism; Khakass language; linguistic behaviour; linguistic views; language policy; linguistic loyalty.

УДК 811.1/8

Дата поступления рукописи: 09.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.73>

В исследовании ставится вопрос об онтологической сущности поэзии. Автор отвечает на него, исходя из особенностей её материала – языка. Поскольку язык является системой с взаимосвязанными уровнями, в сознании человека на актуализацию одного слова отзываются ассоциирующиеся с ним другие слова, воспринимаемые индивидом как «предложения» языка для оформления намеченной мысли. Автор приходит к выводу, что предназначение стихотворных форм заключается в том, чтобы запустить процесс самовыражения языка, который вносит в текст свою логику, а также накопленное веками и идущее из глубины бытия содержание, что, собственно, и создает поэзию.

Ключевые слова и фразы: определение поэзии; звучание; семантическая структура; валентность; самовыражение языка; вдохновение.

Кадимов Руслан Гаджимурадович, д. филол. н., профессор
Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала
yazik-kultura@mail.ru

ПОЭЗИЯ КАК САМОВЫРАЖЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что, несмотря на широкую востребованность поэзии каждым народом, все определения этого феномена до сих пор остаются достаточно неопределенными; и в наше время нет рационального объяснения конкретной пользы, которую поэзия приносит отдельному человеку. **Научная новизна** работы связана с тем, что автор в новом свете представляет сущность поэзии, а также впервые приводится рациональное объяснение практической пользы поэзии. Практическая значимость статьи заключается в том, что представленный в ней материал может способствовать лучшему пониманию феномена поэзии.

Цель исследования – обоснование идеи, что стихотворные формы предназначены для запуска процесса самовыражения языка, при котором актуализируются его текстоформирующая и смыслопорождающая функции. Данная цель предусматривает решение следующих **задач**: определить роль стихотворных форм в зарождении эстетической составляющей поэзии, представить собственное видение феномена поэзии, а также предложить возможные определения этого феномена.

Известно, что каждый народ более всех своих представителей ценит и почитает поэтов и писателей, однако редко кто может дать внятный ответ на вопрос – почему. Обозначенный парадокс связан с трудностью ответить

на вопрос, какую практическую пользу принес конкретный поэт отдельному человеку. В то же время, если бы поэзия не содержала в себе пользы, она не была бы столь востребована. Однако очевидным остается факт, что, несмотря на широкую востребованность поэзии всеми народами, до сих пор нет сколько-нибудь приемлемого определения этого феномена. К сожалению, на вопрос: «Что такое поэзия?» часто не могут ответить и специалисты, имеющие филологическое образование. Приведем некоторые из распространенных определений поэзии.

«Поэзия – 1. Словесное художественное творчество, преимущ. стихотворное. 2. Стихи, произведения, написанные стихами. 3. Перен. Красота и прелесть чего-н., возбуждающие чувство очарования. П. летнего утра...» [8]. Как видим, первое определение слишком широкое и не характеризует сути явления, поскольку здесь поэзия сводится к понятию художественное. Кроме того, не все стихотворные тексты содержат поэзию. По третьему определению поэзией считается все красивое и чарующее.

Т. Ф. Ефремова определяет поэзию как «искусство выражения мысли в слове; ...стихи, стихотворная, ритмическая речь (противоп.: проза); ...изящество, очарование чего-л., глубоко воздействующее на чувства и воображение; что-л. возвышенное, исполненное значения; ...то, что действует на воображение» [3]. Встречаются и определения типа «изображение прекрасного словом» [10].

Поэтический словарь характеризует данный феномен следующим образом: «Поэзия (греч. ποιησις – “творчество, сотворение”) – особый способ организации речи, привнесение в речь дополнительной меры (измерения), не определённой потребностями обыденного языка...» [5]. В обоих определениях нет положительной характеристики, лишь отмечается, что поэзия – не обычное, а необычное явление, т.е. определение дается посредством отрицания. Слово *особый* также никакой конкретности не содержит и поэтому не является положительной и определенной характеристикой, а слова *дополнительной, не определенной* ещё более «показательны».

Не комментируя каждый случай в отдельности, можно отметить, что все определения поэзии достаточно неопределенны. Показательно, что даже выдающиеся литературоведы характеризуют поэзию достаточно специфично: «Если бы существование поэзии не было бесспорно установленным фактом, можно было бы с достаточной степенью убедительности показать, что её не может быть» [6, с. 54]. И здесь определение поэзии осуществляется «доказательством» от противного, хотя приведенное высказывание Ю. М. Лотмана коррелирует с самим феноменом поэзии, которая, с одной стороны, широко востребована, а с другой – не поддается рациональному определению даже исследователям. Все трудности определения поэзии, по нашему мнению, связаны со сложностью объяснения того, чем обусловлена её востребованность, т.е. какую конкретную пользу она несет отдельному человеку.

Стихотворная форма речи обладает рядом парадоксальных особенностей: если прозаическую речь сравнить с обычной ходьбой, то стихотворная не продиктована логикой изложения мысли и существующими в языке оптимальными законами речевой экономии, а подобна перемещению кругами с целым рядом рационально обусловленных движений (с этим связано приведенное выше высказывание Лотмана). Действительно, трудно себе представить появление речи, требующей соблюдения метра, остановок после каждого стиха и продолжения его с новой строки, наличия рифм, напеминающих предыдущие строки, и проч.

Поскольку реальность поэзии никем не ставится под сомнение («Поэзия... существует – и ни в зуб ногой!» [7, т. VI, с. 47]), как утверждение Лотмана «от противного», так и факт отсутствия вразумительного определения мы связываем лишь с нераскрытостью самой природы поэзии. По нашему убеждению, одна из основных причин востребованности поэзии связана с её *онтологической сущностью*. Очевидно, что этот вопрос не может рассматриваться без учета особенностей материала поэзии – языка.

Хотя наличие членораздельной речи и сознания позволило человеку добиться невиданных результатов и построить цивилизованное общество, язык является самоорганизующейся системой, развивающейся по своим законам. Нет человека, который управлял бы языком: рекомендации ученых-лингвистов основаны лишь на подмеченных в языке закономерностях. Язык часто ведет себя непредсказуемо для человека и не принимает новшеств, вводимых без учета его внутренних законов. Те, кого считают основоположниками языка (Пушкин и другие выдающиеся мастера слова), становятся таковыми лишь благодаря гениальной способности чутко прислушиваться к языку и тонко чувствовать его стихию.

Проявление семантической энергии языка связано со свойствами и особенностями его материала – звучания. В связи с тем, что всё в мире находится в движении, которое есть форма существования материи, можно отметить удивительную особенность мироустройства: ничему существу не позволено двигаться и «не говорить» об этом, т.е. любое движение сопровождается звучанием (другое дело, что не все звуки воспринимаются невооруженным ухом). Особо важное значение для нашей темы имеет то обстоятельство, что каждый объект возвещает о своей смысловой сущности посредством звучания: оно несёт достоверную информацию о своем источнике (о форме, материале и характере действий производящих его агрегатов).

Звучание не может не иметь значение: каждый звук постоянно носит с собой определенный смысл, заключающийся в характеристике им своего источника. «Стихия звука – это стихия смысла. Звучание, которым вещь возвещает о себе и о своём содержании, представляется нам инобытием материального объекта, т.е. бытием в ином плане – содержательно-смысловом» [4, с. 344]. Звучание предстает как явление, обладающее уникальным свойством, – природная способность звуков нести объективную информацию о своем источнике, заложенная в самой форме существования материи, и стала основой возникновения естественных языков (хотя в последующем связь звука и смысла в языке становится условной). Именно из возможности оперировать смыслами вещей, в отличие от манипулирования материальными предметами, складываются мышление и членораздельная речь.

Язык актуализируется и оживает в сознании каждого носителя той своей частью, которая стала достоянием этого человека. Освоенный индивидуумом язык, будучи частью глобальной системы, в сознании человека тоже функционирует в качестве системы, включающей (отчасти) все языковые уровни. Как форма слова состоит из букв, так семантика (смысл) каждого слова складывается из наиболее мелких составляющих значения – сем. Если форма слова для всех носителей языка одинакова и состоит из одного и того же количества определенных букв, то значение слова у владеющих языком различается: количество сем у каждого носителя языка разное в зависимости от его информированности о предмете или явлении. Так, у одного человека семантическая структура конкретного слова (*автомобиль, город, море, любовь* или любое другое слово) может состоять из пяти наименьших единиц значения (сем), а у другого человека содержание этого же слова может состоять из сорока и более сем. В последнем случае к каждому слову количество ассоциаций оказывается настолько большим, что в разы превышает возможность связи с другими намного более отдаленными по смыслу словами.

В каждом идиолекте количество вызываемых словом ассоциаций связано как с общим словарным запасом человека, так и с объемом значения (количеством сем) любого слова. Способность сочетаться с другими словами – валентность слова – определяет количество вызываемых им ассоциаций и, соответственно, число актуализируемых (предлагаемых) языком слов, с которыми можно строить словосочетания. Чем выше валентность слова в индивидуальном словаре носителя языка, тем больше слов для потенциальных словосочетаний предлагает язык. Последнее обстоятельство создает больше возможностей для новых содержательных мыслей.

Все сказанное имеет место в любом акте речи. Сознание человека работает как аппарат, в котором на актуализацию одного слова реагирует весь освоенный индивидом язык: на произнесенное слово тут же отзываются ассоциациями, выступая на первый план, имеющиеся в системе другие слова (сходные по значению, форме, а также из известных индивиду устойчивых сочетаний, крылатых выражений, прецедентных текстов и т. д.). Актуализирующиеся по различным ассоциациям слова воспринимаются в сознании как «предложения» языка для оформления намеченной мысли.

Из двух форм речи – прозаической и стихотворной – последняя является достаточно специфической и характеризуется, как уже отмечено, необходимостью соблюдения ряда требований: ритма, размера строки, рифмы и т. д. В тандеме «человек – язык» степень участия языка увеличивается, когда человек берется за создание стихотворной речи, которая многократно ограничивает его возможности необходимостью подбора слов с учетом соответствующего ритма, а также рифмы. При написании стихотворения уже для первой строки (как и для всех остальных) пригодными оказываются лишь те слова, которые соответствуют определенному ритму. Во второй, третьей или четвертой строке появляется необходимость подбора рифмы к последнему слову первой строки.

В. Маяковский вспоминает, как писалось его стихотворение «Сергею Есенину». Думая над первой строфой, поэт начинает ощущать ее ритм и выявляет главное слово «трезвость», которое должно стоять в последней строке в позиции рифмы. Остальные слова подбираются в зависимости от главного: «Взяв самые характерные звуки рифмуемого слова “резв”, повторяю множество раз про себя, прислушиваясь ко всем ассоциациям: “рез”, “резв”, “резерв”, “влез”, “врез”, “врезв”, “врезываясь”. Счастливая рифма найдена. Глагол – да еще торжественный! Но вот беда, в слове “трезвость”, хотя и не так характерно, как “резв”, но все же ясно звучит “т”, “сть”. Что с ними сделать? Надо ввести аналогичные буквы и в последующую строку. Поэтому слово “может быть” заменяется словом “пустота”, изобилующим и “т” и “ст”, а для смягчения “т” оставлено “летите”, звучащее отчасти как “летить”» [7, т. I, с. 260]. В результате строфа принимает следующий вид: *Вы ушли, как говорится, в мир иной. / Пустота, – летите, в звезды врезываясь... / Ни тебе аванса, ни пивной – / Трезвость* [Там же, с. 261]. Фрагмент «*Пустота, – летите, в звезды врезываясь...*» появляется в тексте в связи со звуковым составом важного для поэта слова «трезвость».

Некоторые из предлагаемых языком слов оказываются настолько неожиданными и удачными, что поэт отказывается от появляющихся по собственной логике слов и начинает отдавать предпочтение подсказываемым языком. Необычность некоторых из появляющихся в стихотворном тексте слов объясняется звуковой формой предыдущего слова, которая часто подсказывает поэту выбор другого слова. В качестве примеров можно привести такие сочетания, как «Живет *Филиппов липово*» [Там же, т. VI, с. 160]; «*Горизонтальная Наталья* летела с ним за край земли» [1, т. III, с. 145]; «*Великие памятники Природы!.. бракорегистрирующие рощи*» [Там же, т. II, с. 29] и др.

Сочетания могут быть такими неожиданными, что не оставляют никакого сомнения в природе их образования: «*Крокодилище* перемерили – ну и *делища!*» [7, т. IV, с. 41]; «*Разблюдовка* в стиле *Людвика...*» [1, т. II, с. 158]; «*Бегите* – в себя, на *Гаити*, в костелы, в клозеты» [Там же, т. I, с. 323]; «Только звезды *поутру утрут*» [7, т. VII, с. 127]; «Штык – язык *остри и три!*» [Там же, т. IV, с. 103]; «*Башен кривые выи*» [Там же, т. I, с. 45]; «*Крикливые... клювы*» [9, с. 109]; «*Библеец лицом*» [7, т. I, с. 226]; «*Барона уронят* – уже Колчак» [Там же, т. VI, с. 287]; «Пролетарии приходят к коммунизму *низом* – низом шахт, серпов и вил» [Там же, т. VII, с. 93]. Одни и те же слова могут связываться указанным образом с различными другими словами: «Когда *Октябрь* орудейных *бурь...*» [Там же, т. III, с. 17] и «Ах, октябрь, ах, *октябрь таборный!*» [1, т. I, с. 124]. В приведенных примерах вторые из написанных курсивом слов появились в тексте не по логике мысли, а под явным влиянием формы предыдущих слов, отчего они являются неожиданными и, соответственно, заключают в себе большой заряд образности.

Феномен рифмы есть не что иное, как, с одной стороны, *ограничение* замысла автора: из огромного количества слов национального языка рифмующимися с конкретным словом окажутся лишь несколько.

С другой стороны, рифма способствует *направлению* мысли в определенное русло: подбирающиеся по форме слова приходят со своими смыслами, которые автор вынужден учитывать, что сказывается на развертывании темы и лирического сюжета. Так интенция языка побуждает автора изменить замысел и взять курс на смысл появившегося по требованию рифмы слова.

Когда количество предпочтений, отдаваемых подсказкам языка, доходит до критической массы, оказывается задействованной логика системы самого языка, на которую начинает полагаться пишущий. В результате 1) увеличения количества предлагаемых языком по ассоциации слов; 2) возрастания числа предпочтений, отдаваемых автором неожиданным и удачным «предложениям» языка; 3) колоссального увеличения степени участия ритмической стихии в творческом акте вследствие подключения требований стихотворной формы (ритм и рифма) – запускается процесс самовыражения языка. Таким образом, часть текста появляется, будучи вызванной к жизни требованиями стихотворной формы (ритм, размер, рифма и др.), тем самым язык берет на себя часть текстоформирующей, а значит, и смыслопорождающей роли. В итоге рождающаяся на базе языка поэтическая мысль развивается с участием воли самого языка, которому в поэзии уделяется большое внимание.

Все перечисленные требования придают стихотворной строфе форму, которую можно сравнить с аэродинамическим механизмом ветряной мельницы, где приводимые энергией ветра в движение лопасти (крылья, паруса) крутят ротор. Подобный механизм, но с обратным движением – от крутящегося ротора к лопастям – функционирует и в двигателях компрессоров, катеров, вертолетов, и т.д., работа которых заключается в преобразовании электрической или тепловой энергии в механическую.

В стихотворной речи аналогом приводных лопастей выступают факторы (рифма, ритм и др.), движимые намерением поэта: как лопасти являются вынесенными навстречу ветру частями ротора, так и рифмы, будучи выступающими навстречу намерению поэта «частями речи», запускают процесс самовыражения языка. Стимулом для этого становится рифма, в поисках которой прокручивается «барабан» языка, пока не выдаст подходящие по форме слова (которые, кстати, могут оказаться далеко отстоящими по смыслу).

В стихотворных текстах, как и в упомянутых выше механизмах, происходит преобразование одного вида энергии в другую: здесь семантическая энергия лексических единиц (слов) преобразуется в эстетическую энергию художественного произведения. Так благодаря особенностям стихотворной формы самовыражающийся язык вносит в текст свою, выработанную всем процессом осмысления действительности, логику, а также накопленное веками и идущее из глубины бытия содержание, что, собственно, и создает поэзию. Хотя язык, являясь дискретным по природе, далеко не отображает весь мировой смысл, в то же время он оказывается вместилищем всего достигнутого народом знания и, будучи всемогущим явлением, уходящим корнями в природу становления человека, значительно превосходит индивидуальное знание любого носителя языка. В результате самовыражения языка в произведении оказывается и не предполагавшийся индивидуальным сознанием автора надиндивидуальный смысл, который вносится системой национального языка, т.е. самим «языковым сознанием».

Таким образом, можно заключить: *самовыражение языка* – это явление, когда тонко чувствующий стихию языка творец настраивается на его волну и следует за интенцией самого языка, который, исходя из своей системной логики, актуализирует наиболее подходящие слова и ведет человека «на своем поводе», в результате чего по подсказке системы языка появляются неожиданно удачные находки.

Как упоминалось, при написании поэтического произведения автор всегда должен рассматриваемую тему соотносить не только с активной стихией языка, но и с требованиями стихотворной формы. В результате тонко чувствующему язык поэту по подсказке и велению самого языка являются подходящие слова. Причем происходит это удивительно легко. Ощущение легкости движения, которое совершается без адекватных для этого собственных усилий и не в результате приложенного труда, воспринимается поэтому как неожиданное чувство скольжения на волне национального языка, как незаслуженный дар (нечаянная радость). Навейные языком слова привносят в текст и свои значения, не предусмотренные автором. При этом творчество имеет результатом неожиданно удачные находки, которые есть, опять-таки, не что иное, как результат смыслопорождающей функции языка, к логике которого прислушался одаренный и чуткий поэт. Это воодушевляющее к дальнейшему следованию за языком и продолжению творческого процесса чувство и называется вдохновением.

Таким образом, феномен поэтического *вдохновения* можно определить следующим образом:

1) процесс настройки человека на волну самого языка и приобщение к его стихии, которую он тонко чувствует и которая ведет его на своем поводе, результатом чего являются неожиданно удачные находки;

2) чувство легкости появления подсказываемых языковой стихией слов, основанное на актуализации поэтом смыслопорождающей функции языка;

3) ощущение интенции самовыражающегося языка, чувство попадания «в ногу» с языком, побуждающее к дальнейшему следованию за словом и продолжению творческого процесса.

Конечно, основой и причиной вдохновения является востребованность поэзии, которая, в свою очередь, предполагает несомненное наличие её пользы (вдохновение появляется, только когда поэт нащупывает содержательную «жилу»). Из многих аспектов пользы поэзии мы отметим лишь один, представляющийся нам наиболее важным. В связи с фрагментарной природой любого языка чрезвычайно актуальным является стремление поэтов освоить не охваченное языком смысловое пространство действительности. Усмотрев и актуализировав вполне конкретный признак в далеких по смыслу реалиях, поэты на глубинном уровне связывают обозначающие их слова общей семьей, что делает данное словосочетание возможным для понимания и дальнейшего использования.

Употребление слов в необычных для них контекстах (словосочетаниях) – когда определяемое слово обогащается новой семьей – является одним из основных способов увеличения в них количества сем и расширения содержания их значений. Таким образом, поэты расширяют семантическую структуру лексики

как индивидуального словаря читателя, так и национального языка в целом, ибо глубинный анализ смысловой структуры слов показывает, что содержание поэтических тропов обозначает никакую не условность, а самую что ни на есть реальность, поскольку соотносимые поэтом компоненты значений в двух словах совпадают абсолютно. Создавая в словах дополнительные семы и повышая тем их валентность, поэты совершенствуют и оттачивают язык как чрезвычайно важный общенародный и вместе с тем индивидуальный для каждого человека инструмент освоения действительности.

Поскольку язык представляет собой сложный феномен, посредством которого человек размышляет и постигает мир, происходящее исподволь самовыражение языка сопровождается колоссальным выбросом семантической и эстетической энергии, которая и есть поэзия.

Как уже было отмечено, звучание является природным феноменом, обладающим способностью нести достоверную информацию о своем источнике, что стало основой возникновения членораздельной речи. Появившаяся позже в языке условная связь звучания слова с определенным значением в настоящее время выступает на первый план и в обычной речи не оставляет места природному значению самих звуков. В поэтической же речи происходит наложение условного и непосредственного (исконного) смыслов звучания, которое продолжает проявлять себя как инобытие материального мира и выполнять свою природную, обнаруженную в период формирования естественного языка, смыслопорождающую функцию.

Эстетическая энергия в поэзии связана с её не подвергающейся сомнению красотой и привлекательностью, которые есть проявление неисчерпаемости выражаемых смыслов. Именно множество нераскрытых и потому не осмысливаемых значений создаёт содержание, которое доставляет человеку эстетическое удовольствие, чем и вызывается желание вновь и вновь возвращаться к понравившимся стихам.

Подобно красоте цветка, в которой обнаруживает себя скрытая польза будущего плода, красота настоящих стихов есть не что иное, как проявление содержащейся в них истины, которая, однако, рационально не осознаётся. Как *красота* объясняется предполагаемой *пользой*, так последняя находит свое обоснование в *истине*, постоянные поиски которой связаны именно с тем, что только из истинного открытия извлекается польза. Таким образом, можно обнаружить связь между истиной и красотой – разум природы в мироустройстве выразился в обеспечивающем поступательное развитие «умысле»: сквозь красоту проглядывает высший смысл жизни, поэтому истина привлекательна («...красота – вершина истины» [2]).

Именно наличие рационально не осознаваемой истины производит на человека эстетическое впечатление. Поэтому хорошие стихи «хороши сами по себе». Их приятно читать: каждое новое чтение их доставляет эстетическое удовольствие, связанное с тем, что: 1) в них содержится глубокий смысл, 2) который полностью рационально не осознаётся. Любое дошедшее до нас закрепившееся в языке выражение (афоризм) становится таковым именно благодаря содержанию в нем глубокого смысла. В основе каждого состоявшегося факта искусства, будь то целое произведение или знаменательный фрагмент, находится выраженная в нем истина, внешним проявлением которой и является красота, привлекающая ценителя. Содержанием в произведениях искусства несомненной истины и обусловлена свойственная им долговечность.

При попытке дать определение понятию искусства представляется необходимым отметить четыре ключевые его составляющие.

1. Развивающийся по своим законам мир устроен так, что привлекательным для человека обстоятельством предстает именно онтологически наиболее важный для его совершенствования феномен *истины*. Она и должна стать первоэлементом определения искусства.

2. Поскольку любой факт искусства ориентирован на чувственное восприятие, истина должна быть *выражена* (воплощена) в определенной материальной форме.

3. Выражаемая в искусстве истина должна быть настолько убедительной, что не будет нуждаться в иных доказательствах, помимо самого факта её существования. Доказательность её должна восприниматься на уровне чувств, т.е. истина должна быть выражена со всей *очевидностью*.

4. Однако очевидная истина не станет фактом искусства, поскольку будет восприниматься само собой разумеющейся и неинтересной. Поэтому выражаемая в произведении искусства истина не должна быть очевидной, наоборот, подлинным фактом искусства творение становится, если выражает очень глубокую, неожиданную и далеко *не очевидную* истину.

Таким образом, *искусство* кратко можно охарактеризовать как *очевидное выражение неочевидной истины*.

В заключение можно сказать, что поэзия основывается на запуске требований стихотворной формы самовыражению языка, которое: 1) соотносит стихию звука со стихией смысла, звучание, природная содержательность которого стала основой возникновения языка, в поэтической речи занимает особое место и продолжает выполнять естественную для себя смыслопорождающую функцию; 2) побуждает автора изменить замысел и строить сюжет с учетом появившихся по требованию ритма и рифмы слов; 3) активизирует содержательность языковой формы с неисчерпаемым множеством смыслов (внутренняя форма слова и т.д.); 4) актуализирует постигнутый всеми поколениями народа смысл мира и выработанные ими законы логики (которая есть не что иное, как соотношенные с лексикой синтаксические правила построения истинных суждений). Рационально не осознаваемая содержательность всего вышеизложенного ощущается на подсознательном уровне как неиндифферентная к смыслу субстанция, производящая на человека эстетическое впечатление. Отсюда можно заключить, что *эстетическое удовольствие* – это ощущение истины, которая рационально не осознаётся.

Поэзию же можно определить следующим образом:

1) чувственно-эмоциональный (не исключаящий интеллектуальный) способ постижения действительности посредством происходящего исподволь самовыражения языка, которое сопровождается колоссальным выбросом семантической и эстетической энергии;

2) гармоничное сочетание стихии звука со стихией смысла, где звучание обнаруживает себя как содержательно-смысловое инобытие материального мира;

3) вид словесного искусства, основанный на очевидном выражении неочевидной истины, производящей на человека эстетическое впечатление.

Поэзию можно создавать на любом языке, ибо любой национальный язык обладает потенциалом, благодаря которому живет и развивается. Искорка этой живой жизни и попадает в стихи вместе с самовыражающимся языком, на волну которого смог настроиться талантливый поэт.

Список источников

1. Вознесенский А. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 1. 463 с.; 1984. Т. 2. 543 с.; 1984. Т. 3. 494 с.
2. Гюго В. Отверженные [Электронный ресурс]. URL: https://dom-knig.com/read_246567-279 (дата обращения: 13.09.2019).
3. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Рус. яз., 1996. 637 с.
4. Кадимов Р. Г. Физическая природа звука как основа возникновения языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 2. С. 341-345.
5. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 583 с.
6. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста: ст. и исслед.; заметки; рецензии; выступления. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 846 с.
7. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Худож. лит., 1955. Т. 1. 451 с.; 1957. Т. 3. 638 с.; Т. 4. 451 с.; Т. 6. 543 с.; Т. 7. 535 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. М.: ОНИКС, 2012. 1375 с.
9. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. 478 с.
10. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1907. 458 с.

POETRY AS SELF-EXPRESSION OF NATURAL LANGUAGE

Kadimov Ruslan Gadzhimuradovich, Doctor in Philology, Professor
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
yazik-kultura@mail.ru

The article considers the ontological essence of poetry. The problem is examined taking into account the specificity of “poetical material” – a language. All language levels are interrelated and the actualization of one particular word evokes associations to other words, which are perceived as “proposals” of a language to formulate a thought. The author comes to the conclusion that poetic forms serve to launch the process of language self-expression, which imparts its own logic to the text and endows it with valuable content accumulated over centuries and revealing the depth of human existence. That is what we call poetry.

Key words and phrases: definition of poetry; sound; semantic structure; valence; self-expression of language; inspiration.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 02.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.74>

В статье анализируется сказка Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» с позиции прагмалингвистики. Рассматривается, какими методами достигается прагматическая интенция комического эффекта в локальном дискурсе сказки Л. Филатова. Описывается совокупность выбора автором художественных средств и приёмов, позволяющих ему достичь коммуникативных целей. Особое внимание уделено использованию речевых девиаций для достижения прагматических целей – создания по мотивам русского фольклора сатирического произведения, высмеивающего пороки человека и общества.

Ключевые слова и фразы: прагмалингвистика; сказка; прагматическая интенция; комический эффект; анти-норма; речевая девиация.

Калашникова Анна Александровна, к. филол. н., доцент

Маякова Екатерина Сергеевна

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

kalashnikoffanna@gmail.com; mayakova_katerina@mail.ru

Раннева Нина Александровна, к. пед. н., доцент

Ростовский государственный медицинский университет

ranneva_na@mail.ru

СКАЗКА Л. ФИЛАТОВА «ПРО ФЕДОТА-СТРЕЛЬЦА, УДАЛОГО МОЛОДЦА»: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современная антропоцентрическая научная парадигма предопределяет направление развития всех областей знания. Лингвистика не является исключением, и в настоящее время мы наблюдаем все более активный рост интереса со стороны филологов к прагматическому аспекту языка.